

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2019»

Москва, 29 мая — 1 июня 2019 г.

САМОИСПРАВЛЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО В РУССКОМ МОНОЛОГИЧЕСКОМ И ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Подлеская В. И. (vi_podlesskaya@il-rggu.ru),

Коротаев Н. А. (n_korotaev@hotmail.com),

Мазурин С. И. (svet.mazurina95@gmail.com)

РГГУ, Москва, Россия

A CORPUS STUDY OF SELF-REPAIRS IN RUSSIAN MONOLOGUES AND DIALOGUES

Podlesskaya V. I. (vi_podlesskaya@il-rggu.ru),

Korotaev N. A. (n_korotaev@hotmail.com),

Mazurina S. I. (svet.mazurina95@gmail.com)

RSUH, Moscow, Russia

Self-initiated and other-initiated self-repairs (N=632) were investigated in a subcorpus (1 h 14 min) extracted from the multichannel corpus “Russian Pear Chats and Stories”. The subcorpus consists of three communication sessions where participants retell and discuss the “Pear stories” film, hence each session contains both monologue and dialogue discourse parts. The overall rates of self-repairs and the distribution of their particular types were compared in monologues and dialogues. The results show that while, overall, speakers tend to repair more often in conversational than in retelling parts, particular types of repairs are distributed differently, e. g. (a) repetitions and restarts have higher rates in conversational parts, while corrections appear more often in retellings; (b) in retellings, reparandum and reparans appear more often within the same discourse unit, while in conversational parts, they tend to appear in separate discourse units.

Key words: disfluencies, speech repairs, spoken discourse, monologues, conversation

1. Постановка вопроса

В неподготовленной устной речи говорящий неизбежно сталкивается с необходимостью *самоисправлений* (*коррекций*), т. е. с необходимостью повторять, изменять или отменять фрагменты дискурса, которые оказываются полностью или частично не соответствующими той речевой задаче, которую говорящий перед собой ставит¹. С расширением возможностей электронного документирования и инструментального анализа устной речи феномен самоисправления говорящего становится объектом систематического исследования, в том числе, с использованием корпусных данных. Начиная со ставших уже классическими работ [Shriberg 1994], [Eklund 2004], изучаются разные аспекты этого явления: семантика и прагматика [Wilkinson & Weatherall 2011], [Ginzburg et al. 2014], просодия [Moniz et al. 2012], возможности автоматического извлечения самоисправлений из больших массивов текстов с использованием машинного обучения [Feng et al. 2018] и др. Изначально привлекались почти исключительно данные английского языка, но постепенно круг исследуемых языков расширяется, ср. [Fox et al. 2017] (английский, немецкий, иврит, японский, корейский, персидский, финский, бикольский, индонезийский, сочипамский чинантекский), [Laakso & Sorjonen 2010] (финский), [Maruyama & Sano 2006] (японский), [Zhang & Chan 2013] (китайский) и др. Имеющиеся немногочисленные публикации, посвященные самоисправлениям в русском языке [Podlesskaya 2015], опираются на данные монологического нарративного дискурса, между тем материал других языков показывает, что самоисправления в диалоге и монологе могут существенно различаться и по форме, и по локализации, и по частотности. Отсюда — задача настоящей работы: на основе корпусных данных сравнить номенклатуру и частотность самоисправлений в русском монологическом и диалогическом дискурсе и выяснить, чувствительны ли к коммуникативному режиму дискурса частотность самоисправлений в целом и частотность отдельных их типов. Изложение будет строиться следующим образом. В разделе 2 кратко представлен корпус, послуживший эмпирической базой нашего исследования. В разделе 3 будет описана номенклатура обнаруженных в корпусе самоисправлений и принципы их аннотирования. Раздел 4 посвящен количественному анализу самоисправлений. В разделе 5 подводятся итоги.

2. Материал исследования

В работе используется материал мультиканального корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» (www.multidiscourse.ru) Корпус состоит из отдельных коммуникативных эпизодов (сессий, или, условно, «записей»). В каждой сессии участвует четыре человека — Рассказчик (Narrator), Комментатор (Commentator), Пересказчик (Reteller) и Слушатель (Listener). Рассказчик и Комментатор вначале смотрят стимульный материал — так называемый «Фильм о грушах» (см. <http://www.linguistics.ucsb.edu/faculty/chafe/pearfilm.htm>); Пересказчик

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №19-012-00626

и Слушатель фильма не видят. Далее, Рассказчик рассказывает Пересказчику содержание фильма в режиме монолога. Затем наступает интерактивный этап, в течение которого Комментатор дополняет или уточняет рассказ, а Пересказчик задает вопросы обоим собеседникам, видевшим фильм. После этого появляется Слушатель, и Пересказчик пересказывает ему фильм, опять в режиме монолога. Таким образом, дизайн эксперимента мотивирует всех участников к полноценной и осмысленной коммуникации, подробнее см. [Кибрик 2018]. В каждой записи имеются как монологические, так и диалогические фрагменты дискурса. Для анализа самоисправлений нами были отобраны три записи (ниже в примерах им соответствуют коды записи 04, 16 и 22) общей продолжительностью 1 час 14 мин. Внутри каждой из трех записей были проанализированы партии Рассказчика и Пересказчика, поскольку Рассказчик и Пересказчик участвуют и в диалогических, и в монологических частях сессии, а Комментатор — только в диалогах. Таким образом, мы получили возможность сравнивать номенклатуру и частотность самоисправлений у шести локуторов в двух коммуникативных режимах: монологическом и диалогическом. Общее количество зарегистрированных самоисправлений в исследованном массиве — 632.

3. Основные классы самоисправлений

Все самоисправления были проаннотированы с учетом параметров, позволяющих с разных точек зрения оценить урон, который наносит самоисправление структурной и просодической когерентности текста. Иными словами, перечисляемые ниже признаки самоисправлений направлены на то, чтобы операционализировать характер и степень отклонений от плавного, «идеального» [Clark & Clark 1977] порождения речи.

3.1. Нарушение vs. сохранение когерентности: онлайн- и офлайн-стратегии самоисправления

Этот базовый параметр разграничивает коррекции, которые нарушают когерентность дискурса, и те, которые происходят в рамках плавного речепорождения. Онлайн-стратегия предполагает трехчастную структуру самоисправления [Levelt 1993], [Shriberg 1994]: «репарандум (фрагмент, подлежащий исправлению) / точка прерывания / репаранс (откорректированный коррелят)». В точке прерывания возможны заполненные паузы, лексические маркеры гезитации и прочие сигналы сбоя, ср. в (1) строку N-vE007, где репарандумом является слово *сзади*, которое забраковано говорящим и заменено на (репаранс) *позади*, и строку N-vE010, где репарандум — оборванное *яблоневы=*, в точке прерывания возникает лексический маркер обнаружения ошибки *ой нет*, а далее следует репаранс *грушбвое*:

(1) Pears16N²

N-vE007	Сзади ³ (0.21) /позади /холма \л <u>е</u> с.
pN-008	(0.54)
N-vE008	И (0.36) п-перед (0.27) (э 0.40) (0.18) /х <u>о</u> лмом,
N-vE009	на первом /п <u>л</u> ане,
pN-009	(0.53)
N-vE010	(э 0.22) яблоневы= ==
N-vE011	\о <u>й</u> ,
N-vE012	\н <u>е</u> т,
pN-010	(0.33)
N-vE013	груш <u>о</u> вое \д <u>е</u> рево.

При онлайн-стратегии плавное развертывание дискурса прерывается, наличие прерывания показывает говорящему, что репарандум забракован, его следует устранить из текста, чтобы получить правильный с точки зрения говорящего фрагмент. Эта стратегия сопряжена с речевым сбоем, т. е. с нарушением лексико-грамматической и/или просодической когерентности дискурса, в том числе, с обрывом текущего фрагмента. Однако самоисправление может и не сопровождаться нарушением когерентности. Если говорящий предпочтет офлайн-стратегию, то исправление ошибки откладывается до завершения текущего речевого отрезка, который оказывается цельнооформленным и структурно, и просодически. Офлайн-стратегия не предполагает нарушений плавного развертывания речи, самоперебива и таких внешних сигналов сбоя, как например, обрывы слов. Так, в (2) говорящим постфактум была обнаружена и исправлена оговорка: вместо изначально задуманного 'поставил корзину на багажник' в С-vE084 'корзина' была ошибочно оформлена как локативная группа. При этом исправление в строке С-vE086 не демонстрирует никаких следов нарушения плавного развертывания речевого потока (в строке С-vE085 имеется, правда, hesitantный маркер ну, он не задействован в самоисправлении, но может косвенно свидетельствовать о том, что говорящий уже заметил ошибку и вступает в фазу поиска выхода из этой ситуации). Репаранс этого офлайн-самоисправления снабжен дополнительным эксплицитным маркером коррекции *в смысле*:

² Индекс примера содержит отсылку к номеру записи и статусу локутора в составе корпуса (N — Рассказчик, R — Пересказчик, С — Комментатор); номера строк соответствуют нумерации строк в транскрипте записи. Об используемой системе вокальной транскрипции см. [Коротаяев 2019]. Для понимания нотации в приводимых примерах достаточно знать, что текст разбивается на строки, каждая из которых соответствует элементарной дискурсивной единице (ЭДЕ) — минимальному кванту дискурса, целостность которого задается единым рематическим акцентом; движение тона в акцентированном слове указывается перед словом иконически с помощью косых черт; ударный слог в слове — носитель фразового (рематического) акцента подчеркивается; значимые движения тона в заударных и преударных слогах обозначаются иконически с помощью вертикальных стрелок; незавершенность открытого списка обозначается в транскрипте многоточием на границе иллокуции и знаком «,,» (три запятых) внутри иллокуции; точка прерывания при речевом сбое маркируется знаком «=» на границе ЭДЕ и знаком «||» внутри ЭДЕ. Продолжительность пауз указана в скобках с точностью до сотой доли секунды.

(2) Pears04C

C-vE084	Ну он же на \корзину [?] !
pC-063	(0.13)
C-vE085	([?] 0.35) ну –/поставил её.
pC-064	(0.45)
C-vE086	На \багажник в_смысле.

3.2. Изоморфизм репарандума и репаранса

Изоморфизм между репарандумом и репарансом является важнейшим средством поддержания связности дискурса при коррекции. Чем меньше сходство между репарандумом и репарансом, тем грубее нарушение. Изоморфизм проявляется в семантической близости, сходстве грамматического оформления и синтаксической функции. По признаку «наличие vs. отсутствие изоморфизма между репарандумом и репарансом» мы выделяем три класса самоисправлений: повторы, модификации и отмены (ср. близкое разграничение *repetition*, *repair* и *restart*, введенное в [Shriberg 1994]³). Повтор — это случай полного изоморфизма между репарандумом и репарансом, ср. (3), где фрагментированное *В следующ=* после абсолютной и заполненной пауз повторено полностью в составе репаранса:

(3) Pears16N

N-vE015	В следующ= (0.22) (ə 0.32) в следующем \↑кадре (0.43) показывается-а (0.21) (e 0.29) (0.39) /человек,
---------	---

На другом полюсе противопоставления по изоморфизму — отмены, т. е. такой тип сбоев, при котором говорящий в принципе отказывается от забракованного фрагмента, изменяет исходный замысел и переходит к новому, когерентно построенному эпизоду. Фактически, в неизоморфных онлайн-коррекциях репарандум есть, а репаранса — нет. Так, в (4) в строке R-vE310 *по пути* (репарандум) Пересказчик приступает к рассказу о встрече, которая, согласно сюжету, должна произойти дальше, но вспоминает, что забыл упомянуть некоторые детали, отказывается от уже начатого и переключается на описание шляпы и «звуков»:

(4) Pears16R

R-vE309	Едет /вперёд,
pR-174	(0.74)
R-vE310	(e 0.49) по пути-и ==
R-vE311	\да,
R-vE312	у него слетает /-шляпа,,,
pR-175	(0.74)
R-vE313	(e 0.32) (*Ну \да.
R-vE314	–Ещё вот его вот /звуки идут на заднем /фоне,

³ Это тройственное деление считается общепризнанным и в той или иной версии эксплуатируется практически во всех работах про самоисправления последних десятилетий, ср., например, «нулевые, частичные и полные отмены» в [Богданова-Бегларян 2013].

Между повторами, демонстрирующими полный изоморфизм между репарандумом и репарансом, и отменами, демонстрирующими отсутствие изоморфизма, располагается третий класс самоисправлений — модификации, демонстрирующий частичный изоморфизм. Репарандум и репаранс при модификациях могут быть изоморфны по различным признакам. Это может быть замена лексемы на близкую по смыслу в той же грамматической форме, ср. (5), или замена грамматической формы одной и той же лексемы, ср. смена рода в (6):

(5) Pears16N
 N-vE107 Он засматривается (э 0.09) на эту девоч= || (0.14) на эту /↑девушку,

(6) Pears22N
 N-vE156 если \один-н || (ц 0.26) (ʔ 0.11) \одну корзину —
 N-vE157 (полностью \полную,) — /увезли,
 N-vE158 — /увезли,
 N-vE159 почему другая полностью \пустая?

При модификации может происходить расширение репарандума, в том числе, за счет присоединения дополнительного фрагмента слева, ср. понятие *insertion repair* в [Wilkinson & Weatherall 2011]. Таково в (7) присоединение фрагмента *абсолютно* перед отрицанием:

(7) Pears04N
 N-vE083 его нь= || абсолютно не \↑видит,

К классу модификаций мы относим и коррекции, при которых в качестве репарандума выступают так называемые маркеры препаративной подстановки, или плейшолдеры [Podlesskaya 2015] — выражения чаще всего местоименного типа, которые говорящий использует в качестве временного заместителя того фрагмента, который не может своевременно встроить в дискурс. В примере ниже плейшолдер *такая* изоморфен репарансу *багажник* по падежу, числу и синтаксической функции (подлежащее); в то же время при коррекции сменился род — во всей видимости, кандидатом на это место могло быть слово *подставка*; трудность поиска сигнализируется и уточняющими ремарками в последующих строках R-vE278 — R-vE279:

(8) Pears16R
 R-vE277 (е 0.39) \спереди у него такая || (0.83) \↑багажник,
 pR-162 (0.26)
 R-vE278 (это — называется,) —
 pR-163 (0.25)
 R-vE279 (е 0.36) (\решётчатый,)

3.3. Линейный диапазон коррекций

Этот параметр регулирует утяжеление сбоя в зависимости от того, насколько далеко друг от друга расположены репарандум и репаранс в линейной развертке текста; естественно, он релевантен только для повторов и модификаций, так как

при отменах репаранса как такового нет. Наименее травматичными являются контактные коррекции — такие, при которых репаранс следует за репарандумом непосредственно, или между ними есть только пауза (абсолютная или заполненная): таковы самоисправления в (3), (6), (7) выше или строка N-vE007 в (1). Далее следуют коррекции «средней» дистанции, при которых репаранс отодвинут дискурсивным маркером, как строках N-vE010 — N-vE013 в (1), и «дальней» дистанции, в которых между репарандумом и репарансом имеются слова с пропозициональным значением, ср. (9), где конкурирующие *кульмина=* и *развязка* отделены несколькими словами:

(9) Pears22R

R-vE246	ну в /общем видимо это кульмина= ==
R-vE247	(э 0.14) в_смысле \да,
R-vE248	уже-е \развязка /картины,

3.4. Структурный диапазон коррекций

Этот параметр регулирует утяжеление сбоя в зависимости от того, насколько далеко друг от друга расположены репарандум и репаранс в структуре дискурса. Как и линейный диапазон, структурный диапазон значим только для повторов и модификаций. По этому параметру наименее травматичными являются «микрорекции», в которых и репарандум, и репаранс расположены внутри одной ЭДЕ, как в (3) или (6). Далее следуют «однотактные макрорекции», в которых репарандум и репаранс расположены в соседних ЭДЕ:

(10) Pears16R

R-vE430	что груш н= ==
R-vE431	что корзины \нет,

Наконец, наиболее травматичные коррекции по этому параметру, условно «многотактные макрорекции», — те, в которых затрагиваются блоки, большие, чем пара последовательных ЭДЕ. В этих случаях исправление может требовать пространного репаранса, как в (11), где говорящему не удается в один ход завершить строку N-vE019; там предположительно могло бы быть как *он снимает груши*, но вместо этого предлагается более дробное развертывание последовательности событий в кадре — сначала 'руки', потом 'весь':

(11) Pears16N

N-vE019	(е 0.13) сначала (э 0.12) (0.15) показывается как он с-с= ==
N-vE020	(э 0.20) только -/↑руки его,
N-vE021	как они-и (0.11) просто -снимают,
N-vE022	потом и весь -/сам,

Многотактные макрорекции возникают и тогда, когда говорящий преждевременно приступает к некоторой ЭДЕ, но вынужден вернуться на шаг назад, достроить предыдущий фрагмент, а затем вновь вернуться к текущему. Так, в (12) в строке N-vE046 описываются действия козы, строка N-vE047 — это преждевременная попытка перейти к описанию действий ее хозяина — сказать, предположительно, *но он не даёт ей съестть груши*; далее говорящий

возвращается в строке N-vE048 к запоздалой интерпретации поведения козы и только потом возобновляет линию рассказа:

(12) Pears16N

N-vE045	— проходит (0.11) (э 0.19) (0.06) \человек с-с /козой,
N-vN005	(ц 0.42)
N-vE046	она-а (0.14) так пытливо смотрит на-а эти /груши,
N-vE047	но-о он н-нь= ==
pN-033	(0.15)
N-vE048	видимо ?она хочет их /съесть,
N-vE049	но-о ² (0.05) человек не \даёт.

3.5. Объем репарандума

По этому параметру менее травматичны коррекции, при которых забракованный фрагмент условно отнесен нами к классу «мелких» — он не содержит ни одного полнозначного слова, т. е. это может быть фрагмент полнозначного слова, как *яблоневы*= в (1), или служебные слова — изолированно или в сочетании с фрагментами полнозначных, как *В следующ=* в (3). Более травматичны «крупные» коррекции, в которых забракованный фрагмент включает хотя бы одно полнозначное слово, ср. *что груш н=* в (10).

3.6. Способ инициации самоисправления

По этому параметру разграничиваются коррекции, где инициатором самоисправления является сам говорящий, испытывающий трудности рече-производства, и коррекции, которые вызваны вмешательством собеседника, условно — «внутренние» и «внешние» (ср. противопоставление *self-initiated* и *other-initiated repair*, выработанное в рамках анализа бытового диалога, i. a. [Schegloff et al 1977]). Все примеры, которые приводились нами до сих пор, демонстрировали внутренние коррекции. Внешние коррекции можно считать более травматичными, поскольку они затрагивают когерентность всего дискурсивного пространства, а не только партию единичного локутора.

Внешние коррекции часто связаны с тем, что собеседник вступает в коммуникацию, не дожидаясь окончания реплики текущего локутора, в связи с чем текущий локутор бывает вынужден свою реплику оборвать. В корпусе «Рассказы и разговоры о грушах» имеется особый способ представления разметки коммуникативного взаимодействия — так называемая партитурная запись, которая позволяет увидеть взаимную привязку всех коммуникативных событий ко временной шкале. В примере (13) представлен редуцированный фрагмент партитурной записи эпизода, где Комментатор начинает строку C-vE134 в момент 413,13 сек от начала записи, но еще до ее завершения, в момент 413,51 сек, вступает Пересказчик (R-vE010). Комментатор обрывает строку C-vE134 уже «внутри» речи Пересказчика, в момент 413,78 сек, и больше уже к ее содержанию не возвращается. Обрыв строки по причине вмешательства собеседника нотируется в транскрипте двойным волнистым знаком равенства (≈≈):

(13) Pears22C_R

	411.04	411.40	C-vN038	(ц 0.35)	
	411.40	412.81	C-vE132	И он на них так /смотрит подозрительно,	
	412.81	413.13	C-vE133	(\след,)	
	413.13		C-vE134	что типа	
	413.51			они ≈≈	R-vE010 А /мальчик (э 0.52) —
		413.78			
		414.59			
(0.23)	414.59	414.82			
	414.82	415.84			R-vE011 (ʔ 0.10) (тот который на \велосипеде,)
	415.84	416.75			R-vE012 — увёз /—корзину,
	416.75	418.01			R-vE013 в которой больше / всего было груш?
(0.36)	418.01	418.38			
	418.38	418.64	C-vN039	{sm 0.27}	
	418.64		C-vE135	/Ну \да,	

Однако вмешательство собеседника может приводить и к более серьезной перестройке. Так, в примере (14) строка R-vE300 оборвана, поскольку Комментатор (с некоторым опозданием) замечает, что Пересказчик в строке R-vE299 дал ошибочное название фрукту (*яблоко* вместо *грушу*), и поправляет того (строка C-vE238), причем R-vE300 и C-vE238 собеседники произносят практически одновременно, временные координаты этих реплик различаются на сотые доли секунды. Дальше в партии Пересказчика следует комплексная коррекция — сначала в строке R-vE301 он исправляет название фрукта, а затем в R-vE302 возвращается к исполнению брошенной строки *смотрит*:

(14) Pears16C_R

	1170.00	1173.26			R-vE299 Значит он берёт (0.17) \хочет сначала взять \одно /яблоко,
(0.25)	1173.26	1173.52			
	1173.52				R-vE300 смотрит ≈≈
	1173.58	1174.09	C-vE238	\Грушу.	
		1174.15			
(0.38)	1174.15	1174.53			
	1174.53	1175.32			R-vE301 одну /грушу,
	1175.32	1175.62			R-vN012 (ц 0.30)
	1175.62	1176.29			R-vE302 /смотрит,
	1176.29	1178.98			R-vE303 с= что-о и= / игнорируют,
	1178.98	1180.12			R-vE304 (как бы —его,)

Таковы, в вынужденно сжатом изложении, основные классы самоисправлений говорящего, представленные в исследованном нами подкорпусе.

В следующем разделе приведены количественные данные об общей частотности самоисправлений и частотности некоторых их отдельных классов в двух коммуникативных режимах — монологе и диалоге.

4. Количественный анализ самоисправлений

В партиях Рассказчика и Пересказчика в трех исследованных нами записях нами было зарегистрировано в общей сложности 632 коррекции, из которых 94,6% (598) составляют онлайн-коррекции. В табл. 1 показано, как соотносится общая частотность онлайн-коррекции в диалоге и монологе. В таблице приведены как абсолютные цифры для партии каждого локутора в монологе и диалоге, так и число коррекций, приведенное ко времени вокализации и числу слов в соответствующей (монологической или диалогической) части партии. Под временем вокализации понимается суммарная продолжительность всех ЭДЕ (включая и любые типы пауз и неречевых звуков внутри ЭДЕ), а также изолированных (находящихся вне ЭДЕ) заполненных пауз, смеха, прочих неречевых вокальных действий и пауз, заполненных громкими вдохами. (Таким образом, не включается во время вокализации продолжительность абсолютных пауз, располагающихся между ЭДЕ и / или другими единицами верхнего уровня сегментации; см. [Коротаев 2019]). В число слов, помимо «обычных» словоформ, также включены заполненные паузы и смех (в том случае если он не накладывается на произнесение других единиц).

Таблица 1. Распределение общего числа онлайн-коррекции по коммуникативным режимам (в абсолютных значениях и в приведении к числу слов и времени вокализации) у шести говорящих размеченного подкорпуса

Говорящий	Режим	Время вокализации, с	Число слов	Всего онлайн-коррекции	Коррекции на 100 с	Коррекции на 100 слов
04N	Монолог	290,65	731	31	10,67	4,24
	Диалог	190,41	539	36	18,91	6,68
04R	Монолог	325,06	797	29	8,92	3,64
	Диалог	299,84	876	60	20,01	6,85
16N	Монолог	277,06	730	32	11,55	4,38
	Диалог	477,87	1387	130	27,20	9,37
16R	Монолог	342,04	807	60	17,54	7,43
	Диалог	543,29	1323	115	21,17	8,69
22N	Монолог	211,59	585	29	13,71	4,96
	Диалог	209,84	675	29	13,82	4,30
22R	Монолог	293,21	796	43	14,67	5,40
	Диалог	93,37	190	4	4,28	2,11
Всего	Монолог	1739,61	4446	224	12,88	5,04
	Диалог	1814,62	4990	374	20,61	7,49

Как видим, генеральная тенденция состоит в том, что в диалогических частях записей коррекции встречаются чаще, чем в монологических. Однако индивидуальные дискурсивные предпочтения говорящих явным образом влияют на общую картину⁴. Пересказчица в записи 22 фактически уклоняется от ведения беседы, диалогическая часть ее партии многократно короче, чем у других локуторов; кроме того, если обратиться к медиафайлам и транскриптам корпуса, то мы увидим, что в ее диалоге мало пропозиционального содержания, он наполовину состоит из сигналов обратной связи типа *У2у*. Неудивительно, что в нем обнаружилось всего четыре самоисправления. Поэтому нарушения генеральной тенденции у 22R можно отнести на счет ненадежности количественных данных по этой партии. Возможно, косвенным образом это задевает и результаты по партии ее собеседника 22N, у которого частоты коррекции в монологе и диалоге различаются очень слабо.

Перейдем к анализу частот отдельных типов самоисправлений. Отметим, что мы исключили из подсчетов данные по говорящей 22R, учитывая ее слабую занятость в диалоге (см. выше). Чувствительными к коммуникативному режиму оказались два параметра: «наличие vs. отсутствие изоморфизма между репарандумом и репарансом» и «структурный диапазон коррекции». Различающиеся по признаку «наличие vs. отсутствие изоморфизма между репарандумом и репарансом» повторы, модификации и отмены по-разному распределены в монологе и диалоге — 52:89:41 в монологе, 126:80:165 в диалоге, см. **рис. 1**. Как видим, в монологе преобладают модификации, а в диалоге — повторы и отмены.

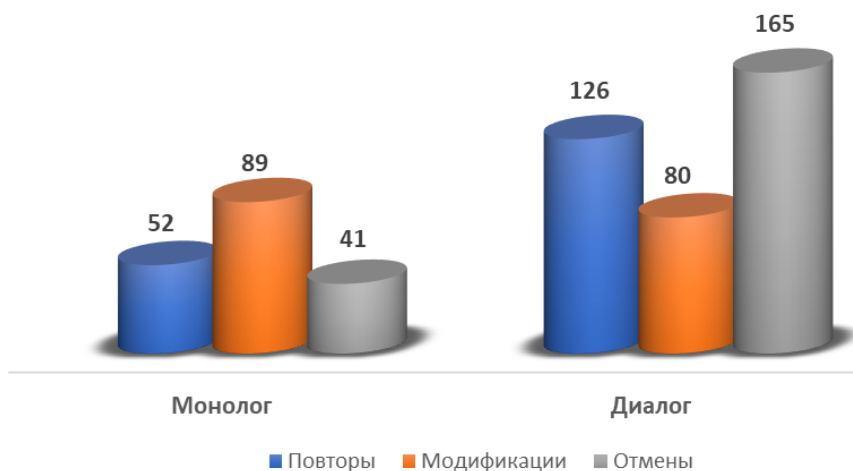

Рис. 1. Распределение онлайн-коррекции по параметру «наличие vs. отсутствие изоморфизма между репарандумом и репарансом» в двух режимах коммуникации (суммарные данные по пяти говорящим)

⁴ О соотношении универсальных тенденций и индивидуальных особенностей в мультимедийной коммуникации (тоже на материале «Рассказов и разговоров о грушах») см. также [Федорова, Кибрик 2018].

Наблюдаемые различия в распределениях обладают статистической значимостью ($p < 0,001$ при оценке методом «хи-квадрат»). По данному параметру из общей картины несколько выбивается говорящая 04N: хотя в ее речи характер распределения типов онлайн-коррекций в монологе vs. в диалоге похож на общий случай, наблюдаемые различия не имеют статистической значимости ($p > 0,1$).

Различающиеся по признаку «структурный диапазон» микро- и макрокоррекции (суммарно одно- и многотактные) также по-разному распределены в монологе и диалоге — 114:68 в монологе, 175:195 в диалоге, см. **рис. 2**. Как видим, в монологах преобладают коррекции, в которых и реперандум, и реперанс размещены внутри одной ЭДЕ, в диалогах реперандум и реперанс чаще расположены в разных, иногда даже не в соседних ЭДЕ. Различия в распределении обладают статистической значимостью по критерию Фишера ($p < 0,001$). При этом есть и индивидуальное варьирование: у 4N и 16R значимых различий по этому параметру нет.

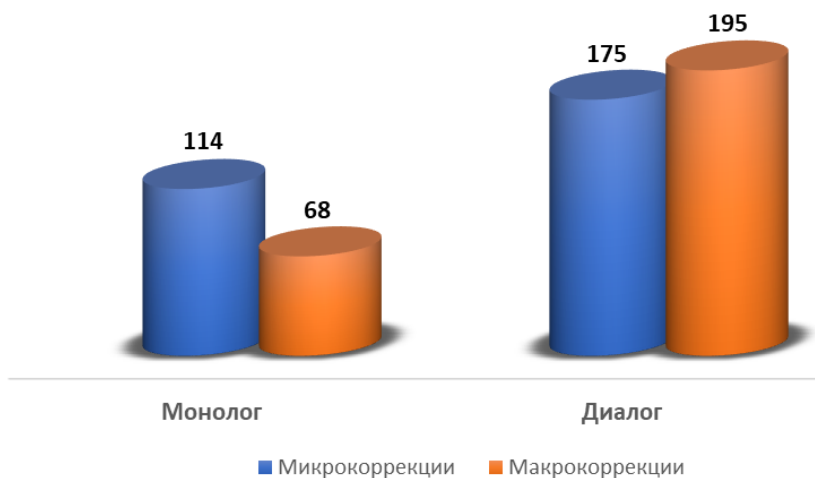

Рис. 2. Распределение онлайн-коррекций по параметру «структурный диапазон коррекции» в двух режимах коммуникации (суммарные данные по пяти говорящим)

По параметрам «линейный диапазон коррекции» и «объем забракованного фрагмента» различий между коммуникативными режимами нет. Контактные коррекции и в монологе, и в диалоге встречаются многократно чаще дистантных; распределение «контактные» : «средняя дистанция» : «длинная дистанция» в монологе — 102:26:11, в диалоге — 165:22:21. Статистически значимого различия нет (критерий «хи-квадрат», $p > 0,05$). Индивидуальное отличие замечено только у 4R — значимое повышение доли коррекций средней дистанции в монологе. Мелкие забракованные фрагменты встречаются незначительно чаще в монологе, а крупные — незначительно чаще в диалоге: монолог — 94:88, диалог — 170:200. Однако статистически значимого различия нет

(критерий Фишера, $p > 0,02$). Единственный говорящий, у которого это различие достигает статистической значимости, — 16R.

По параметру «способ инициации коррекции» сравнение не проводилось, поскольку коррекции, инициированные собеседником, по определению, представлены только в диалоге.

5. Заключение

Подведем итоги. Мы проанализировали три коммуникативных эпизода (сессии) с участием шестерых говорящих, включающих как монологические (пересказы самостоятельно просмотренного видеofilmа или пересказы сюжета видеofilmа со слов собеседника), так и диалогические фрагменты (обсуждение фильма). В этом массиве была произведена разметка самоисправлений говорящего, которая учитывала следующие параметры:

- приводит ли самоисправление к нарушению структурной и просодической плавности разворачиваемого дискурса (онлайн- vs. офлайн-коррекции);
- сходны ли по форме и функции забракованный фрагмент, или репарандум, и его исправленный коррелят, или репаранс (изоморфизм репарандума и репаранса);
- далеко ли отстоят репарандум и репаранс в линейной развертке текста (линейный диапазон коррекции);
- происходит ли самоисправление в одной ЭДЕ или затрагивает две и больше ЭДЕ (структурный диапазон коррекции);
- включает ли забракованный фрагмент хотя бы одно полнозначное слово (объем репарандума);
- инициировано ли самоисправление самим говорящим или оно вызвано вмешательством собеседника (способ инициации коррекции).

Анализ общей частотности коррекций и частотности их отдельных типов показал следующее:

1. В целом самоисправления чувствительны к коммуникативному режиму: их общая частотность выше в диалоге, чем в монологе.
2. К коммуникативному режиму чувствительно распределение коррекций по признаку «изоморфизм репарандума и репаранса» (в диалогах больше отмен и повторов, в монологах больше модификаций), а также распределение по признаку «структурный диапазон коррекции» (в монологах больше коррекций в пределах ЭДЕ, в диалогах коррекции чаще выходят за пределы ЭДЕ).
3. Чувствительность к коммуникативному режиму по признаку «линейный диапазон коррекции» и «объем репарандума» не прослеживается.

Эти предварительные количественные данные позволяют предположить, что такие параметры коррекций, как степень изоморфности репарандума и репаранса и структурный диапазон коррекции, т. е. степень ее компактности при размещении в иерархической структуре дискурса, в большей степени ориентированы на эффективность взаимодействия с собеседником. В то же время,

по-видимому, такие параметры коррекций, как объем репарандума и его линейное расстояние от репаранса, в большей степени ориентированы на внутренние процессы говорящего, связанные с проблемами речепорождения, в том числе, с проблемами выбора адекватных способов вербализации исходного речевого замысла. Разумеется, полученные данные должны быть в дальнейшем проверены на расширенной выборке, тем более что обнаруженные нами тенденции демонстрируют заметную индивидуальную вариативность.

Литература

1. *Богданова-Бегларян Н. В.* (ред.) (2013), Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
2. *Кибрик А. А.* (2018), Русский мультиканальный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // Психологический журнал 39(1). С. 70–80.
3. *Коротаев Н. А.* (2019), «Рассказы и разговоры о грушах»: принципы вокальной аннотации. Версия 10.01.2019, <http://multidiscourse.ru>.
4. *Федорова О. В., Кибрик А. А.* (2018), Общее, индивидуальное и контекст в мультиканальной коммуникации // Когнитивные исследования языка 33. С. 637–645.

References

1. *Bogdanova-Beglarian N. V.* (ed.) (2013), Speech corpus as a base for analysis. Collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description [Zvukovoj korpus kak material dlja analiza russoj reči. Kollektivnaja monografija. Čast' 1. Čtenie. Pereskaz. Opisanie], Saint-Petersburg.
2. *Clark, H. H., Clark, E.* (1977), Psychology and language: An introduction to psycholinguistics, Harcourt Brace, New York.
3. *Eklund R.* (2004), Disfluency in Swedish human-human and human-machine travel booking dialogues, Unityrck, Sweden.
5. *Fedorova O. V., Kibrik A. A.* (2018), General, singular and the context in multi-channel communication [Обščee, individual'noe i kontekst v mul'tikanal'noj kommunikacii], Cognitive studies of language [Kognitivnye issledovanijz jazyka], 33, pp. 637–645.
6. *Feng Wang, Wei Chen, Zhen Yang, Qianqian Dong, Shuang Xu, Bo Xu* (2018), Semi-Supervised Disfluency Detection, Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics, Santa Fe, New Mexico, USA, August 20–26, pp. 3529–3538
7. *Fox B., Wouk F., Fincke S., Hernandez Flores W., Hayashi M., Laakso M., Maschler Yael M., Sorjonen M.-L., Uhmann S., Yang Hyun Jung* (2017), Morphological self-repair: Self-repair within the word, Studies in Language, Volume 41, Issue 3, pp. 638–659.

8. *Ginzburg J., Fernández, R., Schlangen, D.* (2014), Disfluencies as intra-utterance dialogue moves, *Semantics and Pragmatics*, 7, pp. 1–64.
9. *Kibrik A. A.* (2018), Russian multichannel discourse. Part I. Setting up the problem [Russkij mul'tikanal'nyj diskurs. čast' I. Postanovka problemy], *Psixologičeskij žurnal*, Vol. 39 (1), pp. 70–80.
10. *Korotaev N. A.* (2019), “Russian Pear Chats and Stories”: Vocal annotation guide. Version 10.01.2019, available at: https://www.multidiscourse.ru/data/ann/pears_vocal%20annotation.pdf.
11. *Laakso, M., Sorjonen, M.-L.* (2010), Cut-off or particle — devices for initiating self-repair in conversation, *Journal of Pragmatics*, 42(4), pp. 1151–1172.
12. *Levelt, W.* (1983), Monitoring and Self-Repair in Speech, *Cognition*, 14, pp. 41–104.
13. *Maruyama T., Sano S.* (2006), Classification and annotation of self-repairs in Japanese spontaneous monologues, *Linguistic Patterns in Spontaneous Speech*, Taipei, November 2006, pp. 283–298.
14. *Moniz H., Batista F., Mata A. I., Trancoso I.* (2012), Analysis of disfluencies in a corpus of university lectures, *ExLing 2012, Proceedings of 5th Tutorial and Research Workshop on Experimental Linguistics*, Athens, Greece, pp. 96–99.
15. *Podlesskaya V. I.* (2015), A corpus-based study of self-repairs in Russian spoken monologues, *Russian Linguistics*, Vol. 39, Issue 1, pp. 63–79.
16. *Schegloff, E. A., Jefferson, G., Sacks H.* (1977), The preference for self-correction in the organization of repair in conversation, *Language* 53(2), 361–382.
17. *Shriberg, E.* (1994), *Preliminaries to a Theory of Speech Disfluencies*, University of California in Berkeley.
18. *Wilkinson, S., Weatherall, A.* (2011), Insertion repair, *Research on Language & Social Interaction*, 44(1), pp. 65–91.
19. *Zhang, W., Chan, A.* (2013), Self-repair in Mandarin and Cantonese: delaying the next item due in casual conversation and news interview, *Chinese Discourse and Interaction: Theory and Practice*, Equinox Publishing Ltd, pp. 35–57.